

Анна Авдеева

**САМОЛЕТ
ПРИЗЕМЛИЛСЯ
В ПАРИЖЕ**

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
А18

Авдеева, А.

А18 Самолет приземлился в Париже / А. Авдеева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 372 с.

Париж, Дели, Рим, Мехико, Москва...чередa открытий, находок и потерь, встреч и разлук. В поисках своего места и своей судьбы, в попытках познать себя и мир вокруг, в надежде найти настоящую любовь. Между прошлым и будущим, между реальным и мистическим с горящими глазами и сердцем она открывает все новые и новые тайны: своей семьи, своих отношений и своего Я.

Если вы думаете, что ваши личные переживания, история, в которой вы боитесь признаться даже себе, происходит только у вас, то вы глубоко заблуждаетесь. На страницах этой книги каждая из вас найдет себя, проживет свою личную историю, и обязательно получит знак — куда двигаться, как жить. Главное — внимательно смотреть и слушать свое сердце. Пересекающиеся сюжетные линии семейных историй и жителей разных стран — это метафора единства всех женщин и мужчин в этом мире. Мы все одна семья, но в тоже время все мы — носители уникальной истории. Это не просто роман о любви и путешествии, это ответ на вопрос — Кто я?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

© Авдеева А., 2023
© Моросyгина К., оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-89928-9

ЧАСТЬ I

Глава 1

МЕКСИКА

Мексиканцы верят, что смерть — это переход из одной жизни в другую. Большая часть мексиканской культуры связана с цивилизациями майя и ацтеков, на этом основано их мировоззрение. Для них смерть — шаг вперед, они верят, что человек, умирая, просто делает этот шаг, получает новое сознание и после возвращается на землю с новым духовным опытом, чтобы изменить существующий мир. Поэтому умерших они провожают с радостью, восторгом, празднуют день перехода из мира в мир.

В маленьких городках Мексики до сих пор сохранилась традиция во время похоронной церемонии родственникам умерших танцевать под живой оркестр, который сопровождает процессию. Они несут покойного по городу, чтобы он насладился видом, прежде чем покинет этот мир. Говорят, потом, прежде чем попасть в царство мертвых, ему предстоит пройти четырехдневное испытание, уготованное для него духами высших миров.

Каждый год в ноябре мексиканцы празднуют День Мертвых. Праздник длится два дня, его отмечают по всем традициям. В первый день почитают память детей, маленьких умерших ангелочков. Во второй — более зрелых людей, стариков. Раскрашивают лица под маску черепа, наряжаются в традиционные цветные одежды, дополняя образ различными атрибутами загробного мира: плащами, косами, весами — символами смерти, глобусами, бусами из миниатюрных пластиковых черепов. Они с любовью и радостью приветствуют друг друга на улицах, обмениваются специально приготовленными к празднику блюдами, конфетами, печеньем.

Смерть — это начало нового пути жизни души. Начало новой жизни, просто в другом измерении. Смерть для мексиканцев — это смена меры, смена измерения, где существует душа.

А что для европейцев смерть? Во что верим мы? Что если мы будем вести себя «плохо», после смерти тела Бог, за грехи и проступки наши, отправит нас, точнее, нашу душу, в Ад. А если «хорошо» — мы попадем в Рай. Кто же придумал это «плохо» и «хорошо»? Кто установил такие правила существования в этом мире, от которых даже маленькие дети, которых «запугали» сердобольные родители, плохо спят ночами? Ведь здесь тело, дух и душа — одно.

Сломленные страхами и угрозами с самого детства, люди вместо наслаждения жизнью, каждым ее проявлением — каждым рассветом, закатом, каждой новой встречей и расставанием, каждым новым маленьким открытием, — проживают одни лишь ограничения и страх, страх, страх. Страх жизни, любви, свободы, страх нового, страх боли, страх познать себя.

Мексика — одна из последних оставшихся мистических стран, где уважение традиций является важным пунктом существующей жизни. Местные жители до сих пор с глубоким почтением и несокрушимой верой относятся к магии. И не предпринимают попыток изучить странные нескончаемые явления, объяснить их научным языком.

«Я помню, как мой дедушка ждал смерти. Смеялся в разговорах или упоминаниях о ней. Буквально хохотал над ней. Возможно, от этого она к нему так долго не приходила. А вот мой отец смерти никогда не ждал, не говорил о ней. В те времена бабушка так пугалась шуткам деда и его легкому отношению к Госпоже с косой, что однажды вмиг скончалась, просто случайно произнеся это слово. Они были французами в шестом поколении. Матушка так гордилась своим происхождением, что даже спустя годы соблюдала правила утонченной французской аристократки: начинала день с чашки кофе и сигареты, никогда не появлялась на солнце, до самой старости носила платья в пол и любой современной моде предпочитала классику «Шанель». Кто такие истинные французы? Утонченные, взбалмошные. Богатеи. С одной стороны — свободные, с другой — до смерти напуганные рамками, которыми сами себя ограничили. Боязнь потерять нажитое имя, статус, который давно не имел никакого значения, да и состояние про-

мотано наследниками, а само наследие рода давно умерло, но никто этого не признавал.

Итак, мы, жители развитого мира, люди разумные — «хомо сапиенсы» высшего сознания, храним идеи прошлого, запикиваем в себя все эти таблетки, медикаменты, обещающие здоровье и продление жизни. Кто-то дошел в своем сверхразвитии до такого уровня, что научился ставить энергетические защиты от других людей. Многие действительно боятся, что чьи-то «проклятия» и зависть в двадцать первом веке могут их убить. Мы все боимся умереть. А живы ли мы?

Иногда мне кажется, — а часто в этом напрямую убеждаюсь, — что я живу в мире абсурда.

В мире, где постепенно исчезает и сводится на нет любое проявление правды, чистоты. Где любовь становится просто словом. А такие добродетели, как милосердие, сострадание, взаимопомощь становятся кичем, поводом похвастаться.

В мире, где людей одолевает и останавливает перед любым новым шагом и достижением страх быть наказанными, пойманными, осужденными. И поэтому в борьбе с желанием жить и наслаждаться они доходят до абсурда, оправдывая собственные грехи, обвиняют и осуждают ближнего. Давят в себе проявление уникальности, потому что просто боятся быть не такими, как все».

Худошава молодая женщина лежала на полу и предавалась размышлениям.

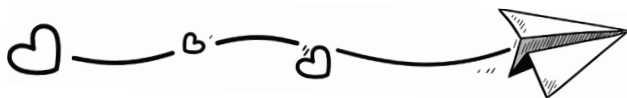
— Поллина, почему ты полуголая? — раздался мягкий мужской голос из-за двери. Вопрос прозвучал без намека на удивление, с полным принятием и любовью, словно был задан несколько раз только за эту неделю и уже успел стать доброй привычкой.

— Я после душа, — лениво промурлыкала женщина.

Указательным пальцем левой руки она медленно провела по губам, потом ниже, поглаживая подбородок и шею. Опустив руку между грудей, она сделала вдох и с легким стоном выдохнула. От звука ее голоса по телу мужчины прокатилась легкая волна возбуждения.

— Разве после душа лежат на полу?

— Знаешь, о чем я думаю, Сантош? — проигнорировав вопрос, продолжила говорить Поллина. — Я размышляла об абсурдности этого мира. Это буквально сбило меня с ног. Поэтому я лежу на полу.

— Любимая, ты так часто меня удивляешь, но еще чаще возбуждаешь, — он смотрел на ее гибкое, небрежно раскинувшееся на полу тело. На мокрые пряди волос, на длинные ресницы, изящные пальцы рук. Но больше всего его привлекал ее голос и манера говорить. Ее нежное хихиканье над шуткой, которую она сама и выдумывала. Иногда веселье и фантазии так захватывали ее воображение, что он уже не слышал, что она говорит, просто наблюдал за беспричинной экстатической радостью, которая по-настоящему сводила его с ума. Она умела наслаждаться даже своей грустью, но это было для нее редкостью. Случайно просыпающиеся эмоции вызывали в ней столько интереса, что она порой сама не понимала, что происходило с ней.

— Ты задумывался, что иногда боль — та самая эмоция, которую мы глушим... например, сексом? Переносим ее в ощущения, вместо того, чтобы быть с ней. Проживать ее. Позволять себе чувствовать ее всем телом и душой.

— По-моему, ты слишком много думаешь. Пожалуй, сейчас самое время тебя «отключить».

Сантош приблизился и посмотрел в мечтательные глаза Поллины. Та приподнялась на локтях, задумчивость на ее лице вдруг сменилась насмешливостью, и она ответила на его взгляд пристальным взглядом. Глаза в глаза. Затем, все так же неожиданно для него, вытянула правую ногу вперед и начертила на полу воображаемую змейку.

— Смотри, так движется наша энергия. Поднимается по телу снизу вверх. Так течет наше желание. Поток, который невозможно остановить, — уже с шипением в голосе добавила она.

Он не смотрел. Его губы касались ее шеи, а пальцы плавно чертили символ на ее животе.

— Наша энергия течет так, как мы захотим. Есть лишь одно условие — обоюдное желание. Свобода, которая рождает чувства, и самое главное — любовь, — с ехидством в голосе произнес мужчина.

Где-то за окном отбивали утробный ритм барабаны, призывая в город зевак, туристов и, возможно, мертвецов. Мексиканцы готовились к любимому празднику страха, Дню мертвых, который побуждал их любопытство и сексуальное возбуждение не меньше, чем любовь.

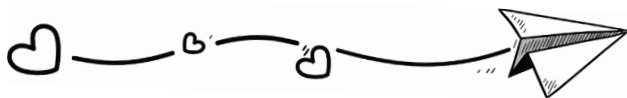
— Завтра я свожу тебя в мой любимый и самый популярный местный ресторан, там подают лучшее гуакамоле в Мексике. Его владелец — один из богатейших людей в стране. Он сколотил состояние, выращивая авокадо. Я знаю его жену, замечательная женщина, терпеливая и покорная. Она почти не видит мужа, потому что он, как настоящий мексиканец, озабочен не только бизнесом, но и страстными романами на стороне. Несмотря на это, у Люсии получается не только сохранять брак, но и с любовью заботиться о семейном деле.

— И ее совсем не заботят его романы? — заинтересовалась Поллина.

— Она знает, что муж никогда не уйдет от нее. Ту атмосферу и еду, которую ты можешь встретить здесь, никто и никогда не повторит. У них нет детей, но то, что их соединило на века, никому и никогда не удастся разорвать. Пройдет лет десять, и он, хромой и побитый женщинами, придет к ней умирать. И она будет самой счастливой из жен, потому что лишь рядом с ним смогла найти покой, любовь и предназначение. Хотя вам, западным женщинам, этого не понять. Я слышан, что вы пытаетесь изменить все, к чему прикасаетесь. У вас фокус на улучшение, а не на принятие того, что дали боги именно вам и именно в тот момент, когда встреча с кем-либо или чем-либо состоялась. Это проявляется даже в самых безобидных и не стоящих внимания ситуациях. Вместо того, чтобы осознать внутренний покой и внешнюю гармонию мира, искать себя во всех встреченных персонажах, вы бросаетесь в анализ происходящего, как в бой с действительностью. Боретесь якобы с несовершенствами, а потом, как Жанна Д'Арк, истощенные иллюзорной войной, умираете. Погибаете на поле вымышленной битвы.

— Не все европейки одинаковые, — задумчиво сказала Поллина скорее себе, чем Сантошу.

— Закон кармы гласит, — продолжил он, — что мы получаем в этой жизни все, что нам полагается, и находимся там, где должны быть. Нет плохих и хороших событий, есть опыт, урок, который мы должны пройти, чтобы освободиться от ограничений, стать сильнее и мудрее, для реализации высшей цели нашего существования, реализации себя и своих талантов. А наша уникальность может быть выражена через что угодно! Кто-то рожден оратором, бизнесменом, политиком. А кто-то создан, чтобы стать образцо-

вым семьянином. И кто-то, глядя на него, решает, что неплохо бы тоже завести семью, чтобы раскрыть себя и с этой стороны. Простые истины делают наш мир сплоченным и счастливым, когда каждый играет свою роль, не обращая внимания на ожидания общества. Просто потому, что каждый знает: там, где мы есть, нам хорошо, а остальные события и ситуации — лишь кармический баланс.

* * *

Солнце нового дня озарило лицо Поллины. Открыв глаза, она не обнаружила Сантоша, с которым засыпала накануне, и потянулась к телефону. На часах было пять пятнадцать утра.

— Сантош, — тихо простонала она.

Из соседней комнаты донеслось пение мантр. Поллина встала, окинула взглядом кровать и не обнаружила своего белья. С разочарованным выдохом она уверенно, слегка покачивая бедрами, пошла на звук музыки.

— Доброе утро! Тебя ждет холодный душ и трехчасовая медитация, — не поворачивая головы, сказал Сантош, — У нас сегодня интересный, но тяжелый день. Ум и наблюдательность пригодятся тебе, как никогда.

К девяти часам они вместе спустились к завтраку.

Их пара привлекала взгляды окружающих. Казалось, нет ни одного человека в гостинице, кто не наблюдал бы за ними.

Возможно, дело было в особом стиле Поллины и ее умении подать себя. Она одевалась свободно и эффектно, умело сочетала в своем образе европейский шик с элементами мужской одежды и настоящей, струящейся женственностью в деталях: длинные, чуть растрепанные волосы, яркие губы, крупные украшения и броские аксессуары. Сегодня из-под ее джинсовой куртки выглядывало легкое шелковое платье, грубые «казаки» смотрелись вызывающе на тонких щиколотках и длинных худых ногах. Слегка взлохмаченные волосы и немного припухшие губы демонстрировали последствия ночи любви. При этом оба старались держаться отстраненно, что неизбежно наталкивало окружающих на мысль о нелегальности их отношений.

— Это излюбленное место туристов, — сказал Сантош, когда они сели за стол. — Даже если отбросить всякие исторические и туристические факты, остается еще много интересного, что осо-

